К 103т

Б.ф.

A l'Alliance Française de Mos
Hommage de l'aute

K 103 T
~~K9 3/19~~

Baron de Baye

LE MOMENT GERMANIQUE DU MONDE

Tiré à part des
ARCHIVES RUSSES
LIII-eme année.

Баронъ де Бай

МІРОВОЙ ГЕРМАНСКІЙ ВОПРОСЪ

Отдѣльный оттискъ изъ
РУССКАГО АРХИВА,
издаваемаго
Петромъ Бартеневымъ (младшимъ).
LIII-ій годъ.

3713/11

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1915.

К103т ~~К 9~~ 3/19

Baron de Baye.

LE MOMENT GERMANIQUE DU MONDE

tiré à part des
ARCHIVES RUSSES
LIII-eme année.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. музея
№ 28795
10/XI 1936

Баронъ де Бай.

МІРОВОЙ ГЕРМАНСКІЙ ВОПРОСЪ

отдѣльный оттискъ изъ
РУССКАГО АРХИВА,
издаваемаго
Петромъ Бартеневымъ (младшимъ).
LIII-ій годъ.

3713/11

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1915.

LE MOMENT GERMANIQUE DU MONDE

Le moment germanique du monde.

Cette guerre sans précédent, ses phases tragiques et imprévues, le caractère sauvage et bestial que lui imprime notre ennemi, la signification mondiale de ce bouleversement gigantesque, la recherche de ce que peut être cette créature phénoménale qui s'est révélée comme un fléau de l'humanité; tous ces objets, séparément pourraient être le sujet d'études que les angoisses présentes ne permettent pas d'approfondir. Mais nous pensons que des impressions, des observations, notées durant cette période émouvante, indiqueront un peu l'état d'esprit qui règne actuellement. L'Europe enfiévrée est secouée par un formidable spasme. Et nous, nous sommes si absorbés par les émotions journalières, que nous songeons à peine à ce que nous réserve le lendemain. Certes, nous avons une absolue confiance dans l'avenir, sans toute fois prévoir l'heure du salut.

Le moment solennel que nous vivons, sous quel nom orqueilleux nos ennemis le désignent-ils? Cherchons le dans leur prose souvent emphatique.

Dans ses récentes conférences de Leipzig sur „la culture et la guerre“, le Professeur Lamprecht a fourni à Mr Chevrillon les éléments d'une étude profonde sur le phénomène allemand, étude publiée dans la Revue de Paris. Il décrit la lente ascension du germanisme meurtri par les grandes mêlées de gouvernements et de peuples, puis l'explosion subite quand il a pris connaissance de sa force: „quand, par l'effet surtout de l'invisible travail commencé vers le milieu du XVIII-e siècle, les vieux équilibres moraux achévent de se rompre, et que partout l'esprit se met en mouvement: alors du fond de l'inconscient où elles

МІРОВОЙ ГЕРМАНСКІЙ ВОПРОСЪ

Міровой германскій моментъ.

Эта безпримѣрная война, ея ужасныя и непредвидѣнныя видоизмѣненія, дикій и животный оттѣнокъ, придаваемый ей нашимъ врагомъ, всеміерное значеніе этого исполинскаго переворота, тѣ послѣдствія, которыя могутъ возникнуть изъ необычайнаго явленія, ставшаго какъ бы бичемъ человѣчества; все это въ отдѣльности могло бы быть предметомъ изслѣдованія, но страданія настоящаго времени не позволяютъ намъ достаточно углубиться въ этотъ предметъ. Однако мы полагаемъ, что наши впечатлѣнія, наблюденія, сдѣланныя за этотъ поразительный промежутокъ времени, хоть немного укажутъ на царящее въ настоящее время настроеніе умовъ. Воспаленная Европа корчится въ исполинскихъ судорогахъ. А мы, такъ погружены въ заботы о сегодняшнемъ днѣ, что едва ли думаемъ о томъ, что ждетъ насъ завтра. Конечно, мы съ полнымъ довѣріемъ смотримъ впередъ, хотя все еще не можемъ сказать, когда придетъ часъ избавленія.

Какое же гордое имя дали наши враги тѣмъ торжественнымъ днямъ, въ которые мы живемъ? Поищемъ же его въ ихъ же собственной, подчасъ напыщенной прозѣ.

Недавно въ Лейпцигѣ, въ собесѣдованіяхъ о „культурѣ и войнѣ" профессоръ Лампрехтъ сообщилъ Шервильону основы своего глубокомысленнаго изслѣдованія нѣмецкаго феномена, трудъ, напечатанный въ La Revue de Paris. Онъ описываетъ медленное возникновеніе германизма, сначала подавленное великими столкновеніями правительствъ и народовъ, затѣмъ его неожиданную вспышку, наступившую тогда, когда онъ сознаъ свою силу: „Когда, особенно подъ вліяніемъ скрытой работы, начавшейся около середины XVIII столѣтія, старые нравственные устои были окончательно подорваны, и когда вездѣ началось умственное движеніе: тогда то безсознательно, изъ глу-

avaient si longtemps dormi, jaillissent, plus pures et plus hautes que jamais, les essentielles énergies de la race. Alors, selon Hegel, commence le moment germanique du monde, avec l'inoubliable embrasement de la pensée et de l'art allemands, dont l'art et la pensée des autres peuples ne feront plus que refleter les flammes" [1]).

J'estime que ces mots: moment germanique du monde, pour exprimer par anticipation les temps que nous vivons, étaient une trouvaille suggestive. Les allemands nous enseignent ce qu'ils entendent par un moment germanique dans toute sa vérité, dans toute son extension dans toute son horreur. Leur vanité ambitieuse veut qu'il soit mondial, et le monde entier apprend tragiquement la signification actuelle du mot germanique.

Ce moment germanique du monde, Guillaume II l'a inauguré au milieu des acclamations délirantes de tout son peuple, dont il était comme le héros providenciel et comme l'émanation divine; tous ses innombrables artisans de la préparation de ce moment, saluaient leur tyran, comme le conquérant qui va sûrement vers la victoire.

Pour masquer l'oeuvre souterraine et préparatoire de ses espions répartis dans tous les hémisphères, le Kaïzer jouait en excellence la commédie; il se faisait passer pour l'Empereur de la paix; mais comme Ianus, il possède deux faces, l'une pour tromper, l'autre pour terroriser. C'est cette dernière qu'il montre. Le Comte Axel, son familier, et le comte de Moltke sont anivés à cette conclusion, au début de juillet 1914, que le souverain jettait le masque et rêvait de s'engager dans une lutte qui fasse de lui, non seulement le maître de l'Europe, mais le maître du monde [2]). Voilà arrivé le moment germanique du monde dont le Kaïzer a donné le signal. Depuis des mois ce moment dure, les allemands en ont marqué le caractère par la violation dè leurs traités, les incendies, les massacres de civils, les pillages, les orgies. Ils se sont plutôt rué à une curée qu'à une conquête. A l'heure présente, le moment germanique du monde bat son plein. Il se poursuit avec acharnement, on ne peut en mesurer la durée, il prendra seulement fin alors que la France, la Russie, l'Angleterre, l'Italie, la Serbie, le Monténégro, le Japon auront triomphé totalement et auront rendu à l'Europe une vie normale.

---

[1]) L'Eclair 17 Avril 1915.

[2]) Le Kaïser Ianus. L'Eclair du 18 Avril 1915.

бины души, гдѣ онѣ такъ долго дремали ярче и сильнѣе, чѣмъ когда либо, вырываются наружу главныя народныя силы. Тогда то, по Гегелю, начинается міровой германскій моментъ, та незабываемая вспышка нѣмецкой мысли и искусства, когда искусство и мысль другихъ народовъ будутъ служить только отблескомъ этого пламени“.¹)

Я полагаю, что слова: міровой германскій моментъ заранѣе обозначившія то время, въ которое мы живемъ, дѣйствительно были находкой. Нѣмцы ясно показали намъ, что именно они подразумѣваютъ подъ германскимъ моментомъ, показали безъ прикрасъ, во всей своей наготѣ, во всемъ величіи и ужасѣ. Ихъ гордое тщеславіе требуетъ, чтобы онъ сталъ всемірнымъ, и цѣлый міръ съ прискорбіемъ узнаетъ настоящее значеніе слова „германскій“.

Вильгельмъ II освятилъ этотъ міровой германскій моментъ среди безумныхъ бредовыхъ криковъ всего своего народа, а самъ сталъ героемъ, якобы ниспосланнымъ Провидѣніемъ и какъ бы носителемъ божественныхъ силъ; всѣ его безчисленные приспѣшники въ дѣлѣ подготовки этого момента привѣтствовали своего деспота, какъ побѣдителя, который навѣрняка приведетъ ихъ къ побѣдѣ.

Для того, чтобы прикрыть подпольную дѣятельность и приготовленія своихъ доносчиковъ, отправившихся во всѣ части свѣта, Кайзеръ прекрасно разыгрывалъ комедію; онъ представился императоромъ-миротворцемъ; но у него, какъ у Януса, два лица; одно для того, чтобы обманывать, другое для того, чтобы устрашать. Теперь онъ показалъ намъ послѣднее. Въ началѣ Іюля 1914 г. графъ Аксель, его родственникъ, и графъ Мольтке, пришли къ тому заключенію, что государь сбросилъ личину и затѣялъ борьбу, которая должна сдѣлать его не только властелиномъ Европы, но и властителемъ міра²). Такъ наступилъ міровой германскій моментъ, сигналъ къ нему былъ поданъ Кайзеромъ. Съ тѣхъ поръ онъ длится мѣсяцы, Нѣмцы отмѣтили его нарушеніемъ договоровъ, пожарами, убійствомъ мирныхъ жителей, грабежами, оргіями. Они больше гнались за добычей, чѣмъ за побѣдой. Въ настоящее время міровой германскій моментъ въ полномъ разгарѣ. Развиваясь, онъ сдѣлается все ожесточеннѣе, и продолжительность его нельзя опредѣлить, или онъ окончится только тогда, когда Франція, Россія, Англія, Италія, Сербія, Черногорія, Японія окончательно восторжествуютъ и вернутъ Европу къ прежней нормальной жизни.

---

¹) L' Eclair, 17 Апрѣля 1915 г.

²) Кайзеръ Янусъ. L'Eclair, 18 Апрѣля 1915 г.

On se perd en conjectures sur la manière dont prendra fin le moment germanique du monde qui se résume en un drame où la bestialité de la Kultur veut étouffer la civilisation et la dignité de l'Europe. On se perd en conjectures sur les conséquences de ce moment terrible durant lequel se multiplient d'un côté les ignominies et de l'autre les héroismes. Le moment germanique du monde expirera pour céder la place au moment libérateur du monde; ce moment sera l'heure de la malédiction des boureaux et de la glorification des victimes. Ce moment sera l'heure de la punition des fauteurs de désastres et de la récompense des sublimes sacrifices dus aux sauveurs du droit et de la liberté. L'heure où, sur un amas de millions de cadavres humains, celui qui s'est repu de sang, d'orgeuil, d'ambition, recevra de l'histoire le plus infamant des jugements—cet être soi disant sur humain sera rangé parmi les plus monstrueux phénomènes engendrés par la nature.

Pour l'Europe, ce moment germanique du monde est un fléau, un mal terrible comme qui dirait un cancer allemand arrivé à sa période la plus aigüe et rempli de menaces symptomatiques d'extension.

Le cancer allemand.

Le cancer allemand est un cancer qui affecte le cerveau dévoyé des intellectuels et se manifeste sous la forme d'un militarisme omnipotent et inplacable. Le fléau dont souffre l'Europe, et qui menace de franchir ses frontières, ne ressemble-t-il pas un cancer? Cancer moral et physique à la fois. De même que l'individu peut être atteint de cette maladie, les nations peuvent en être victimes; de même que l'individu peut la transmettre à d'autres individus, de même la nation contaminée, peut en inculcer les germes à d'autres nations.

Les peuples dans leur histoire, comme les hommes dans leur vie, subissent des maladies les unes passagères, les autres mettant leur vie en danger. Nous constatons actuellement, an centre même de l'Europe, un véritable foyer d'infection, ayant un caractère morbide, parvenir à l'apogée de sa croissance, de sa puissance et de son prurit d'extension. Seul, un traitement énergique, alors qu'il en est encore temps, peut empêcher le mal de s'étendre indéfiniment, peut en circonscrire les limites, et après en extirper les organes générateurs.

C'est en Prusse que le mal a pris racine, s'y est développé, puis ce milieu l'a transmis petit à petit à ses voisins confédérés et, de la sorte

Мы теряемся въ догадкахъ относительно того, какимъ образомъ окончится міровой германскій моментъ, ставшій драмой, въ которой звѣрство „нѣмецкой культуры“ собирается задушить цивилизацію и достоинство Европы. Мы теряемся въ догадкахъ, размышляя о послѣдствіяхъ этого ужаснаго момента, когда съ одной стороны, растетъ позоръ, а съ другой—множатся геройскіе поступки. Міровой германскій моментъ умретъ, для того, чтобы уступить мѣсто всемірному моменту освобожденія; этотъ моментъ наступитъ въ тотъ часъ, когда палачи будутъ прокляты, а жертвы прославлены. Этотъ часъ будетъ наказаніемъ для сотворившихъ разрушеніе и наградой за святыя жертвы спасителямъ права и свободы. Въ этотъ часъ тотъ, кто, на грудѣ милліоновъ человѣческихъ труповъ питался кровью, гордостью, тщеславіемъ, выслушаетъ позорнѣйшій изъ приговоровъ исторіи—это, такъ называемое сверхчеловѣческое существо будетъ причислено къ самымъ чудовищнымъ явленіямъ, порожденнымъ природою.

Для Европы міровой германскій моментъ является бичемъ, ужаснымъ зломъ, подобнымъ нѣмецкому раку, достигшему наивысшей степени своего развитія и полнымъ зловѣщихъ угрозъ, указывающихъ на возможность его распространенія.

Нѣмецкій ракъ.

Нѣмецкій ракъ поражаетъ заблуждающійся мозгъ интеллигенціи и выражается въ видѣ могучей и неумолимой военщины. Развѣ бичъ, подъ которымъ стонетъ Европа и который угрожаетъ переступить ея границы, не похожъ на ракъ? Это ракъ, въ одно и то же время и нравственный, тѣлесный. Какъ отдѣльное лицо можетъ заразиться этой болѣзнью, такъ и цѣлые народы могутъ стать его жертвою; какъ отдѣльное лицо можетъ заразить имъ другихъ людей, такъ и зараженный народъ можетъ передавать зародыши болѣзни другимъ народамъ.

Въ исторіи народовъ мы видимъ, что они, подобно отдѣльнымъ людямъ, въ теченіе своей жизни переносятъ разныя болѣзни, однѣ легкія, другія, подвергающія ихъ жизнь опасности. Въ настоящее время мы наблюдаемъ, въ самомъ сердцѣ Европы, истинный очагъ заразы, имѣющей смертельные признаки, заразы, достигшей высшей степени развитія и силы, и имѣющей склонность расползаться повсюду. Только энергичное лѣченіе, и то, если примѣнить его во время, можетъ помѣшать этому злу распространяться безъ конца, можетъ положить ему предѣлы, и затѣмъ умертвить зараженные члены.

Это зло коренится въ Пруссіи, тамъ оно развилось, а затѣмъ мало по малу было перенесено къ сосѣдямъ-союзникамъ и такимъ

a pu s'en rendre maître. Les voisins, par affinité originelle de race, étaient plus aptes à contracter la contagion. Ils s'y sont bénévolement résigné en se laissant gagner d'abord et dominer ensuite. L'action rayonnante s'opéra ainsi. Le cancer s'étendra perfidement tant qu'une barrière ennemie n'aura entravé son extension. Le cancer d'abord prussien, devenu cancer allemand, aurait voulu devenir cancer européen, par inoculation de virus et ses tentatives se pratiquent un moyen d'espions porteurs de microbes pour la propagation du fléau. Lorsque le grand facteur d'infection pensa que les parties qu'il voulait atteindre étaient faibles, il chercha, par un effort gigantesque, à s'en emparer. Cet effort colossal est la poussée de l'Allemagne contre les nations attaquées par elle; nations qui veulent sauver leur vie, leur santé morale en même temps que celles des parties saines de l'Europe. Cest le combat de ce qui est sain contre ce qui est malsain; la protection de ce qui veut vivre contre ce qui apporte la mort. C'est la lutte d'une Europe qui aspire à s'affranchir et à se préserver d'une menace de torture suivie de trépas, contre une Europe qui se suicide en se nourissant, en se glorifiant de principes délétères, en cherchant à terroriser et à châtier ceux qui étaient rebelles à la contamination. L'Europe sera sauvée quand la digue opposée à l'invasion funeste aura définitivement et radicalement enrayé la propagation du mal, quand enfin les virus vaincus stériliseront leur source.

Il restera aux sauveurs de l'Europe une tâche non moins grande à accomplir: celle de la préservation pour l'avenir d'un reflux des forces nocives. Ces sauveurs devront être des sanitaires plus unis que jamais. La puissance que l'Allemagne a tiré de la confédération de royaumes et de principautés, jadis indépendants, aujourd'hui entraînés dans la fièvre germanique, doit être anéantie. Ces royaumes et principautés doivent se départir de leur soumission à Berlin qui leur a imposé une tyrannie défigurante. A moins toute fois qu'ils préfèrent être totalement rongés comme le sera la Prusse dominatrice et propagandiste du mal qui a porté ses ravages loin de son foyer.

Je me suis cru autorisé à comparer les ravages du cancer à l'état morbide des mentalités allemandes qui ont déchaîné et conduirent le drame actuel. Ce rapprochement m'a été inspiré par ce mot si expressif de „rak“ (ракъ) qui sert, en langue russe, à désigner cette maladie. Il me semble que les pinces et les suçoirs d'un monstre, qui symbolise l'armée allemande, s'attaquent, pour meurtrir et détruire, à tout ce qui est à leur portée. Ces organes du monstre, il les faut trancher et détruire pour qu'ils ne réapparaissent pas; quant au corps, quant au cen-

образомъ и тамъ получило возможность восторжествовать. Вслѣдствіе врожденнаго сходства народовъ сосѣди были болѣе склонны къ воспріятію заразы. Они подчинились, добровольно сперва давъ ей доступъ, а затѣмъ и совсѣмъ покорившись. Такимъ образомъ зараза распространялась лучеобразно. Она будетъ коварно разползаться до тѣхъ поръ, пока враги не поставятъ ей преграды. Прусскій ракъ, ставшій потомъ нѣмецкимъ, захотѣлъ быть европейскомъ ракомъ посредствомъ прививки яда, и попытки эти дѣлаются шпіонами, носителями микробовъ, проповѣдующими бичъ человѣчества. Великій создатель заразы, думая, что страны, на которыя онъ хотѣлъ напасть, были слабы, исполинскимъ усиліемъ попытался захватить ихъ. Это гигантское усиліе есть вызовъ, брошенный Германіей всѣмъ народамъ, на которые она напала, народамъ, желающимъ спасти свою жизнь и свое нравственное здоровье, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнь и здоровье остальныхъ, незараженныхъ частей Европы. Это битва здороваго съ больнымъ; борьба того, что хочетъ жить, съ тѣмъ, что несетъ смерть. Это борьба Европы, стремящейся освободиться и предохранить себя отъ угрозы вновь подвергнуться пыткѣ, а затѣмъ и смерти, съ Европой, совершающей надъ собой самоубійство, питаясь тлетворными завѣтами и прославляя, устрашая и казня возставшихъ противъ оскверненія. Европа будетъ спасена тогда, когда достойная преграда, выставленная противъ пагубнаго пашествія, окончательно и безповоротно оградитъ насъ отъ распространенія зла, когда противоядіе совершенно очиститъ источникъ.

Спасителямъ Европы нужно будетъ выполнить не менѣе великую задачу: предохранить себя въ будущемъ отъ наплыва вредоносныхъ силъ. Эти спасители должны будутъ сдѣлаться и охранителями народнаго здравія, болѣе сплоченными между собой, чѣмъ когда либо. Могущество, созданное Германіей изъ когда то независимыхъ княжествъ и королевствъ, въ настоящее время пораженныхъ нѣмецкой лихорадкой, должно быть уничтожено. Эти королевства и княжества должны сбросить съ себя берлинское иго, навязанное имъ безобразной тираніей. По крайней мѣрѣ, если они не захотятъ быть окончательно сломленными, какъ это будетъ сдѣлано съ Пруссіей, владычицей и проповѣдницей зла, далеко вокругъ разнесшей свои опустошенія.

Я позволилъ себѣ сравнить разрушенія, наносимыя ракомъ, съ тлетворнымъ состояніемъ нѣмецкаго мышленія, вызвавшимъ современныя событія и руководящимъ ими. Это сравненіе было мнѣ навѣяно столь выразительнымъ словомъ „ракъ“, означающимъ на русскомъ языкѣ эту болѣзнь. Мнѣ кажется, что клещи и щупальцы чудовища, символизирующаго нѣмецкую армію, накинутся на все, чтобы убивать и уничтожать. Нужно обрѣзать и уничтожать члены этого чудовища,

tre, ils se dissolveront d'eux mêmes comme se désorgrège tout foyer infectieux dont on a supprimé les moyens d'extension et de vitalité. Le monstre de proie qui a engendré et propagé le mal, périra rongé par le mal.

La guerre actuelle, telle que la pratiquent les allemands, est un péril mondial, un péril mortel, non seulement pour les nations contre lesquelles ils la dirigent, mais aussi pour les nations demeurées neutres. Le danger n'est-il pas aussi menaçant pour elles? Ne savent-elles pas que leur sort est en jeu? Ne se doutent elles pas que l'ambition allemande les guette? Ne sont elles pas témoin des atrocités allemandes? Que les neutres soient saisis d'indignation et d'épouvante en songeant à la destinée que l'Allemagne leur réserverait si elle était victorieuse.

Cette guerre, telle que la font les barbares, nous incite à en analyser les ferments et à mesurer quel serait l'étendue du cataclysme si ces barbares, contre toute probabilité, s'emparaient des régions convoitées pas leurs visées géantes. Il faut que l'espoir de vaincre, qui persiste également dans les deux camps ennemis, se transforme dans le nôtre en certitude; dans le leur en déception. Les barbares ont voulu que cette lutte soit une lutte de vie ou de mort. Qu'ils n'espèrent plus une paix honorable, déshonorés qu'ils sont aux yeux du monde. Une paix honorable pour l'Allemagne vaincue équivaudrait à une rèconnaissance de la part de ses adversaires qu'elle a employé des moyens loyaux dans les hostilités; ce serait contraire à la vérité.

Des deux côtés les belligérants se proclament sûrs de la victoire et des deux côtés ils affirment que cette guerre est pour eux une question de vie ou de mort. Il faut aller jusqu'au bout, disent-ils. Alors, comment, dans l'état présent des choses, pourrait-on supputer prématurément les conditions de paix?

La volonté absolue partagée par les alliés de poursuivre la guerre jusqu'au bout découle: 1º de la manière, contraire à toutes les règles, dont les allemands la font. 2º du but qu'ils visent. En effet les allemands combattent pour asservir l'Europe en s'annexant les petits etats et en soumettant les grands.

Les ambitions de l'Allemagne font naître dans l'esprit de ses ennemis comme dans celui des neutres, la nécessité d'une solution radicale, aussi radicale que les projets de conquête étaient vastes. Le rôle

для того, чтобы они снова не выросли; что касается его тѣла, его сердцевины, то они распадутся сами собою, подобно тому, какъ разрушается всякій очагъ болѣзни, если его лишить жизненной силы и возможности сѣять заразу. Хищный звѣрь, несущій и распространяющій зло, самъ погибнетъ отъ этого зла.

Современная война при тѣхъ способахъ, какіе употребляютъ Нѣмцы, представляетъ собой всемірную гибель, гибель смертельную, не только для народовъ, противъ которыхъ она ведется, но и для нейтральныхъ странъ. Развѣ и имъ не грозитъ та же опасность? Развѣ онѣ не знаютъ, что и ихъ судьба поставлена на карту? Развѣ онѣ не знаютъ, что нѣмецкое тщеславіе подстерегаетъ и ихъ? Развѣ онѣ не являются свидѣтелями нѣмецкихъ звѣрствъ? Пусть негодованіе и ужасъ охватятъ нейтральныя государства при мысли о томъ, какую участь уготовитъ имъ Германія въ томъ случаѣ, если она выйдетъ побѣдительницей.

Эта война и при тѣхъ способахъ, которые употребляютъ варвары, заставляетъ насъ разобраться въ отдѣльныхъ, составляющихъ ее явленіяхъ и взвѣсить, каковы будутъ размѣры переворота въ томъ случаи, если бы, паче всякаго чаянія, эти варвары завладѣли областями, на которыя направлены ихъ чрезмѣрныя желанія. Нужно, чтобы надежда на побѣду, равно живущая въ обоихъ вражескихъ станахъ, въ нашемъ переродилась бы въ увѣренность въ побѣдѣ; въ ихъ станѣ—въ разочарованіе.. Варвары захотѣли, чтобы эта борьба была борьбой не на жизнь, а на смерть. Пусть больше не надѣются на почетный миръ, послѣ того, какъ сами себя опозорили передъ лицомъ всего міра. Почетный для побѣжденной Германіи миръ со стороны ея противниковъ равнялся бы признаніемъ того, что она дѣйствовала законно по отношенію къ врагу; это противорѣчило бы истинѣ.

Обѣ воюющія стороны увѣрены въ побѣдѣ, и обѣ стороны утверждаютъ, что для нихъ эта война есть вопросъ жизни или смерти. Онѣ говорятъ: нужно идти до конца. Тогда, при настоящемъ положеніи вещей, какъ же можно заранѣе учесть условія мира?

Твердое рѣшеніе всѣхъ союзниковъ довести войну до конца вытекаетъ: во 1-хъ, изъ употребляемыхъ Нѣмцами способовъ, противныхъ всѣмъ правиламъ войны; во 2-хъ, изъ той цѣли, которую они имѣютъ въ виду. Дѣйствительно, Нѣмцы воюютъ для того, чтобы поработить Европу, захватывая маленькія государства и подчиняя себѣ большія.

Какъ во вражескихъ, такъ и въ нейтральныхъ странахъ властолюбіе Германіи порождаетъ мысль о необходимости полнаго ея подчиненія, настолько же полнаго, насколько обширны были ея завое-

de la France et de ses alliés est de sauvegarder l'Europe du joug qui la menace.

Puisque „jusqu'au bout“ est comme la devise générale à l'heure actuelle, examinons, par nationalité, l'unanimité de cette volonté manifestée de part et d'autre de ne mettre fin aux hostilités que lorsqu'un des deux adversaires sera terrassé.

JUSQU'AU BOUT.

France—notre Patrie, après avoir tout fait pour maintenir la paix, a été traîtreusement attaquée. Alors elle a été sublime dans son appel à ses enfants et ses enfants ont été sublimes dans leur réponse à leur mère: nous vous défendrons jusqu'au bout. „La France vient de vivre une heure unique, une heure incomparable de son histoire. Je doute qu'il y en ait en de plus décisive depuis Jeanne d'Arc. Dans l'un et l'autre cas ce qui était en jeu, c'était l'existence méme de la Patrie“ [1]).

Nous devons avoir toujours, et maintenant plus que jamais, présents à la mémoire les échos de tous les coeurs français vibrants le 22 décembre 1914 à la séance de la chambre dans ces paroles de M. Deschanel: „J'en atteste nos morts! Tous jusqu'au bout nous ferons notre devoir pour réaliser la pensée de notre race: Le Droit prime la Force!“ Puis, dans un beau mouvement d'éloquence, M. Viviani s'écriait: „La France et ses alliés ont dû subir la guerre, ils la feront jusqu'au bout!“

Pour la première fois depuis 1870, la France est aujourd'hui une nation unanime. Oui elle est unanime maintenant, comme au début de la guerre, pour aller jusqu'au bout. C'est seulement après qu'il sera question „d'une paix qui devra forcément changer complètement la répartition des forces européennes. La France aura droit à ce que l'équilibre, rompu en 1870, soit rétabli en sa faveur“ [2]).

Les alliés ont assumé la tâche d'écraser le militarisme allemand; ils doivent rejeter toute tentative qui serait faite pour les détourner de cette tâche. Dans ce but, une communication a été faite au colonel House, représentant personnel du Président Wilson à Paris. Elle a une

---

[1]) Victor Giraud. Le miracle français. Bevue des Deux Mondes 15 avril 1915. p. 897.

[2]) Frédéric Masson. Gaulois 28 avril 1915.

вательные планы. Роль Франціи и ея союзниковъ сводится къ охраненію Европы отъ грозящаго ей ига.

Такъ какъ „до конца“ является девизомъ настоящей минуты; прослѣдимъ же единство этого желанія у каждаго народа въ отдѣльности желанія выраженнаго всѣми ими, желанія окончить военныя дѣйствія только тогда, когда одинъ изъ противниковъ будетъ поверженъ во прахъ.

ДО КОНЦА.

Франція.—На нашу Родину, все сдѣлавшую для сохраненія мира, предательски напали. Она была прекрасна, призывая дѣтей своихъ, и прекрасны были ея дѣти, отвѣчая матери: мы будемъ защищать тебя до конца. „Франція пережила незабвенную, ни съ чѣмъ несравнимую историческую минуту. Сомнѣваюсь, чтобы со временъ Жанны д'Аркъ имѣла мѣсто другая такая-же рѣшительная минута. Въ обоихъ случаяхъ на карту было поставлено самое существованіе Родины.“ [1])

Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо нужно вспомнить тѣ отклики французскихъ сердецъ, которые прозвучали 22 Декабря 1914 г. на засѣданіи парламента въ словахъ г-на Дешанеля: „Убитыхъ призываю я въ свидѣтели! Мы всѣ до конца выполнимъ свой долгъ для того, чтобы осуществить задачи нашего народа. Право должно идти впереди Силы!“ Затѣмъ г. Вивіани воскликнулъ въ прекрасномъ порывѣ краснорѣчія: „Франціи и ея союзникамъ приходится переживать войну, и они будутъ вести ее до конца.“

Въ наши дни, впервые послѣ 1870 г., Франція стала единодушной. Да, она единодушна теперь, какъ и въ началѣ войны, и только впослѣдствіи будетъ поставленъ вопросъ „о мирѣ, въ руки котораго будетъ отдано распредѣленіе европейскихъ силъ. Франція получитъ право возстановить въ свою пользу равновѣсіе, нарушенное въ 1870 году.“ [2])

Союзники задались цѣлью раздавить нѣмецкій милитаризмъ, имъ слѣдуетъ отказаться отъ всякихъ попытокъ, какія будутъ сдѣланы для того, чтобы отклонить ихъ отъ выполненія этой задачи. Съ этой цѣлью уже былъ сдѣланъ запросъ полковнику Гоузу, личному представителю президента Вильсона въ Парижѣ. Онъ имѣетъ важное значеніе. „Во избѣжаніе какого бы то ни было недоразумѣнія,“ пишетъ

---

[1]) Викторъ Жиро. Французское чудо. Revue des deux Mondes, 15 Апрѣля 1915 г. стр. 897.

[2]) Фредерикъ Массонъ—Gaulois, 28 Апрѣля 1915 года.

haute signification. „Pour éviter tout malentendu, dit le correspondant de „l'United Press", le colonel House a été informé que toute mission visant la paix demeurerait inopportune tant que des troupes allemandes resteraient en France et en Belgique.

„On a fait savoir au colonel House que les alliés sont munis d'hommes, d'argent, de matériel pour continuer la guerre jusqu'à ce que l'Allemagne soit complètement battue; que leur force augmente chaque jour, tandisque les allemands deviennent de jour en jour plus faibles; et que tous les Français s'indigneraient d'une tentative quelconque de la part du Président Wilson en vue d'amener la paix à l'heure actuelle. Le colonel House transmettra cette communication au Président Wilson"[1]).

Tout compromis, toute trêve ou toute paix plâtrée dans l'espoir fallacieux d'arrêter l'effusion de sang, ne fera qu'amener une boucherie et un bain de sang bien plus terrible encore dans un avenir prochain.

Les lignes suivantes qui s'adussent aux allemands dépeingnent bien notre état d'âme: „Vous avez réveillé... Vous avez réveillé l'âme française, qui sommeillait. Et elle s'est retrouvée ce qu'elle était aux plus grands jours de son histoire. N'espérez plus qu'après avoir repris possession d'elle-même, elle se rendorme, paisible et confiante dans vos meilleures paroles. Elle sait ce que lui coûte la guerre que vous avez déchaînée. Toute sa jeunesse, si brave, si belle, si intelligente, poussée dans la fournaise des combats, et mourant sans une plainte, héroïque, sous ses drapeaux redevenus triomphants. Nos villes détruites; Arras rasé; Reims tous les jours bombardé; des millions de dégâts dans nos provinces. Et toutes nos femmes en deuil. Gens d'Allemagne, il fallait penser plus tôt à ces catastrophes. Le jour est venu, pour vous, de souffrir, d'implorer, et de payer. Rien ne nous arrêtera plus. Le vin est tiré! C'est le vin amer de la défaite! Il faut le boire!" [2])

Belgique.

Le héros, c'est le dévoué sans réserve, sans retour personnel, total, absolu. Tel est le Roi Albert, tels sont ses sujets. Ils n'ont pas seulement dressé un modèle sublime devant le respect et l'imitation des peuples libres, ils ont posé devant la conscience universelle et

---

[1]) L'Eclair 22 avril 1915.

[2]) Georges Ohnet. Gaulois 27 avril 1915.

сотрудникъ United Press, „полковнику Гоузу было сообщено, что всякая попытка, имѣющая цѣлью заключеніе мира, является несвоевременной до тѣхъ поръ, пока нѣмецкія войска останутся во Франціи или Бельгіи.

„Полковнику Гоузу сообщили, что союзники снабжены достаточнымъ количествомъ людей, денегъ, боевыхъ припасовъ, для того, чтобы продолжать войну до тѣхъ поръ, пока Германія не будетъ окончательно побѣждена; что силы ихъ прибываютъ съ каждымъ днемъ, между тѣмъ какъ Нѣмцы ослабѣваютъ изо дня въ день; и что всѣ Французы придутъ въ негодованіе, если со стороны президента Вильсона будетъ сдѣлана какая либо попытка заключить миръ въ настоящее время. Полковникъ Гоузъ передастъ это сообщеніе президенту Вильсону.“ [1])

Всякое перемиріе, всякій миръ, навязанный обманчивой надеждой прекратить кровопролитіе, приведетъ къ новой бойнѣ, къ болѣе ужасному кровопролитію въ самомъ недалекомъ будущемъ.

Слѣдующія строки, обращенныя къ Нѣмцамъ, прекрасно выражаютъ настроеніе нашихъ умовъ: „Вы разбудили дремавшій французскій духъ. И онъ оказался такимъ, какимъ былъ въ величайшіе свои историческіе дни. Не надѣйтесь, что, обрѣтя самого себя, онъ снова задремлетъ, мирно довѣрясь вашимъ лучшимъ обѣщаніямъ. Онъ знаетъ цѣну войнѣ, въ которую вы насъ втянули. Вся наша молодежь, наша смѣлая, прекрасная, образованная молодежь, брошена въ горнило сраженій и безъ жалобъ, героически умираетъ подъ знаменами, вновь ставшими побѣдными. Наши разрушенные города: Аррасъ, который вы сравняли съ землею; ежедневно бомбардируемый Реймсъ, милліоны развалинъ въ нашихъ областяхъ, всѣ наши женщины въ траурѣ! Жители Германіи, лучше подумали бы вы объ этихъ прискорбныхъ событіяхъ. Для васъ насталъ день страданія, день мольбы и расплаты. Мы не остановимся ни передъ чѣмъ. Жребій брошенъ! Побѣжденнымъ готовится горькая чаша! И ее надо испить!“ [2])

Бельгія.

Герой—это человѣкъ, преданный беззавѣтно, человѣкъ, отдающій самого себя всецѣло, вполнѣ. Таковъ Король Альбертъ, и таковы его подданные. Они не только подали намъ величайшій примѣръ самоотверженія, не только вызвали поклоненіе и подражаніе имъ у свободныхъ народовъ, но и передъ всемірной совѣстью ими заданъ одинъ

---

[1]) L' Eclair, 22 Апрѣля 1915 года.

[2]) Жоржъ Онэ. Gaulois, 27 Апрѣля 1915 года.

illuminé d'une clareté souveraine un des problèmes fondamentaux de la civilisation, celui des rapports du Droit et de la Force dans les conflits internationaux [1]).

Le Roi Albert a prouvé et prouvera jusqu'au bout qu'il y a une Force Belge, un Droit Belge et, en affirmant l'indépendance de leur pays, ce grand Prince et son peuple ont revendiqué l'indépendance de tous les pays. Ils ont tout simplement pratiqué non pas Kant, mais l'Evangile. La Belgique se défendra jusqu'au bout; elle sera jusqu'au bout glorieuse dans les combats et glorieuse dans la victoire; elle sera, par les alliés, vengée jusqu'au bout.

L'envoyé spécial du gouvernement Allemand, chargé de soulever les Etats Unis contre les alliés, Mr Dernburg, déclare les alliés battus puis qu'ils n'ont pas pénétré en territoire allemand. Nous occupons, toute la Belgique, dit cet émissaire, et il ajoute: que l'Angleterre nous garantisse la liberté des mer et l'Allemagne évacuera la Belgique. Si elle s'y refuse, nous établirons à demeure une base fortifiée sur la Manche.

Les ignominies commises par les barbares en Belgique exigent la guerre jusqu'au bout, car elles ont soulevé l'indignation du monde entier. Ces barbares ont multiplié sur ce sol les pillages, les incendies, les ruines, les meurtres; ils ont fait de chaque habitant de ce pays une victime ou un martyr. La voix de la justice vengeresse s'entend sur toute l'étendue de ce territoire désolé parsemé de croix mortuaires. Elle crie: Monstres! vous avez été de sinistres bourreaux car souvent vous avez affirmé votre joug en juxta posant des naissances et des morts. Vous avez osé imposer votre sang maudit et impur en le transmettant de force à de malheureuses victimes. Vous avez voulu mélanger, par un supplice immonde, le sang de créatures sans défense à celui de brutes abjectes. Vous avez fait cela dans le but d'introduire, d'imposer votre race en lui procréant des représentants parmi les populations que vous avez odieusement tyrannisées. Vous avez ajouté cette infamie à tant d'autres. Sachez que les bêtes féroces s'acconplent entre elles et non avec celles qu'elles dévorent. Le règne animal donne une leçon de supénorité à votre Kultur.

Nous trouvons des preuves que les intellectuels allemands ne blâment pas les excès révoltants de la soldatesque qu'ils vénèrent comme

---

[1]) Paul Bourget. Les leçons de la guerre. Le Droit et la Force. Echo de Paris, 15 novembre 1914.

изъ основныхъ вопросовъ цивилизаціи, заданъ и освѣщенъ высшимъ свѣтомъ вопросъ о томъ, каковы должны быть отношенія между Правомъ и Силою въ международныхъ столкновеніяхъ.[1])

Король Альбертъ доказалъ и до конца докажетъ, что есть Бельгійская Сила, есть Бельгійское Право, и утвердивъ независимость своей страны, этотъ Великій Государь вмѣстѣ со своимъ народомъ вернетъ независимость всѣмъ странамъ, проводя въ жизни не завѣты Канта, а попросту евангельскіе завѣты. Бельгія будетъ защищаться до конца; до конца она будетъ славиться въ сраженіяхъ и побѣдахъ; союзники отомстятъ за нее до конца.

Особый посолъ германскаго правительства, которому поручено было возстановить Соединенные Штаты противъ союзниковъ, г. Дернбургъ, считаетъ послѣднихъ побѣжденными, потому что они не вступили на нѣмецкую землю. Мы заняли всю Бельгію, говоритъ посланникъ, и прибавляетъ: пусть Англія обезпечитъ намъ свободу на морѣ, и Германія очиститъ Бельгію. Въ случаѣ отказа, мы построимъ постоянную крѣпость на Ламаншѣ.

Звѣрства, учиненныя дикарями въ Бельгіи, требуютъ войны до конца, такъ какъ эти звѣрства вызвали негодованіе всего міра. На бельгійской землѣ варвары умножили число грабежей, пожаровъ, развалинъ и убійствъ; каждаго жителя этой страны они сдѣлали или своей жертвой или мученикомъ. Голосъ праведнаго мщенія слышится на всемъ протяженіи этой покинутой страны, усѣянной могильными крестами. Она взываетъ: Чудовища! Вы были злополучными палачами, потому что часто утверждали свое иго juxta, неся вмѣстѣ и жизнь, и смерть. Вы осмѣлились навязывать свою проклятую, нечистую кровь, насильно примѣшивая ее несчастнымъ жертвамъ. Въ неслыханныхъ мученіяхъ вы захотѣли смѣшать кровь беззащитныхъ созданій съ кровью гнусныхъ животныхъ. Вы сдѣлали это для того, чтобы слить свою расу, оставить ея отпрыски среди населенія, которое вы такъ гнусно угнетаете. Ко многимъ другимъ вы прибавили еще и эту подлость. Знайте, что дикіе звѣри совокупляются другъ съ другомъ, а не съ тѣми, кого пожираютъ. Въ животномъ царствѣ мы видимъ превосходство передъ вашей „культурой“.

У насъ есть доказательства того, что нѣмецкіе интеллигенты не порицаютъ возмутительныхъ проявленій солдатчины, которую они уважаютъ, какъ покорное орудіе нѣмецкой заразы. Они далеки отъ того, чтобы порицать ее, вмѣсто этого они ее поощряютъ. Для Нѣм-

---

[1]) Поль Буржэ. Уроки войны. Право и Сила. Echo de Paris. 15 Ноября 1914 г.

les instruments dociles de l'oeuvre de dépravation allemande. Loin de les blâmer ils les encouragent. L'étranger est une proie pour les Allemands envers laquelle il n'est de vertu que la force et la ruse pour la prendre, la déchirer, la tuer, pour en rassasier voluptueusement sa volonté de puissance“ [1]). „Au fond ce sont des tigres..., une force est en eux qui veut déborder, peu leur importe sur quoi“. Ainsi parle Nietzsche après Heine, deux connaisseurs de l'âme allemande. „Avouons que ces hommes (les allemands) qui inter pares sont tenus si sévèrement dans les bornes par la coutume, le respect, la reconnaissance..., ces mêmes hommes se montrent, envers le dehors, là ou l'étranger commence, pas beaucoup meilleurs que des bêtes fauves ou déchaînées. Ils jouissent alors d'être libérés de toute contrainte sociale; ils se dédomagent dans les régions incultes, pour la tension d'un long internement, d'une antique contrainte dans la paix de la communauté. Alors ce ne sont que meurtres, incendies, viols joyeux. La superbe bête de proie blonde reparaît“ [2]).

La bête de proie n'a épargné aucun supplice à la Belgique et dans cette suprême épreuve la Belgique a conquis non seulement l'admiration mais le coeur de l'Europe civilisée. Comme ce petit peuple est grand et comme son grand ennemi est bas! Comme ce petit Royaume est glorieux et comme le grand Empire est déshonoré!

Angleterre.

Le geste de l'Angleterre, s'unissant à la croisade des nations européennes en guerre contre la barbarie déchaînée, était plein de dignité et de droiture. Nous savons que pour se défendre et pour défendre ses alliés elle ira jusqu'au bout; de même que pour chercher à ruiner l'Angleterre, celui de ses ennemis qu'elle déteste le plus, l'Allemagne ira jusqu'au bout.

Au cours d'une réunion organisée par le parti unioniste à Bermingham, Mr Chamberlain, qualifiant la période actuelle de péril national, exprime l'espoir que la guerre sera poursuivie vigoureuesment „coûte que coûte“ jusqu'à la victoire complète de l'Angleterre pour assurer la paix européenne. „Il y va de notre vie ou de notre mort, a-t-il ajouté; si nous n'aboutissons pas à la victoire, nous cesserions de

---

[1]) A. Chevrillon. Revue de Paris. Etude de la formation des idèes germaniques.

[2]) La religion allemande. L'Eclair 17 avril 1915.

цевъ иностранецъ—это добыча, единственная добродѣтель по отношенію къ ней,—сила и ловкость, съ которой они ее хватаютъ, терзаютъ, убиваютъ, для того, чтобы сладострастно удовлетворить свою жажду власти.[1] „Это въ сущности тигры.... въ нихъ живетъ сила, бьющая черезъ край, и имъ безразлично, на кого обрушится эта сила." Такъ говоритъ Ницше, вслѣдъ за Гейне, а они оба—большіе знатоки нѣмецкой души. „Сознаемся, что эти люди (Нѣмцы), которые inter pares такъ строго придерживаются рамокъ обычая, уваженія, благодарности.... по отношенію ко всему, что находится извнѣ, по отношенію ко всему чужому тѣ же самые люди становятся немного лучше дикихъ звѣрей, выпущенныхъ на свободу. Тогда они считаютъ себя свободными отъ какихъ бы то ни было рамокъ общественности. Ихъ дикія толпы вознаграждаютъ себя за долгое воздержаніе, за долгій общественный миръ. Затѣмъ слѣдуютъ только убійства, пожары, веселыя оргіи. „Прекрасный" бѣлокурый дикій звѣрь проявляетъ себя."[2]

Въ Бельгіи дикій звѣрь не забылъ ни объ одной пыткѣ, и въ этомъ труднѣйшемъ испытаніи Бельгія завоевала не только восхищеніе, но и любовь всей цивилизованной Европы. Какъ великъ этотъ маленькій народъ, и какъ низокъ его великій врагъ! Сколь славно это маленькое Королевство, и насколько безчестна большая Имперія!

Англія.

Выступленіе Англіи, присоединившейся къ крестовому походу европейскихъ народовъ, поднявшихся противъ разнузданнаго варварства, полно чувства собственнаго достоинства и правоты. Мы знаемъ, что она будетъ воевать до конца для того, чтобы защищаться и защищать своихъ союзниковъ; а также знаемъ, что и Германія пойдетъ до конца для того, чтобы погубить Англію, которую она ненавидитъ больше всѣхъ.

На одномъ изъ засѣданій представителей всѣхъ союзниковъ въ Бирмингэмѣ, г. Чемберлэнъ, опредѣляя современный моментъ народнаго бѣдствія, выразилъ надежду, что войну будутъ продолжать настойчиво, „во что бы то ни стало," до полной побѣды Англіи, для того, чтобы обезпечить европейскій миръ. „Дѣло идетъ о жизни или смерти," прибавляетъ онъ, „если мы не добьемся побѣды, намъ не будетъ мѣста между великими націями. Мира не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока освобожденная Бельгія не будетъ вознаграждена за всѣ горькія и тя-

---

[1] Религія нѣмцевъ. L' Eclair, 17 Апрѣля 1915 г.

[2] Шервильонъ. Revue de Paris. Опытъ изученія исторіи германскихъ идей.

compter parmi les grandes nations. Il ne peut pas y avoir de paix avant que la Belgique libérée ait reçu une compensation aux torts amers et cruels soufferts par ses citoyens. Nous ne pouvons pas avoir de paix avant que la France ait regagné la liberté et le droit de penser, de parler et de sourire à la vieille province d'Alsace-Lorraine; avant que la Serbie héroïque ait recueilli la juste récompense de sa constance et de son courage; avant que la Russie ait reçu satisfaction pour ses champs ravagés, sa dignité foulée aux pieds et pour les insultes qu'elle a subies".

La rage teutone contre le royaume-uni ne connaît pas de bornes. Dans les „Hamburger Nachrichten", feuille pangermaniste, vous trouvez une excitation contre l'Angleterre pareille à celles que prodigue journellement la presse allemande: „Les zeppelins ont été déjà aux portes de Londres. Le peuple allemand désire et exige que nos dirigeables survolent cette ville, y lancent des bombes et déchaînent le feu et le fer sur les maisons et autour des foyers de la capitale de ce peuple qui a impitoyablement voué le monde à la guerre et à la ruine. Il ne faut pas que nous permettions à ce peuple criminel qui a causé la mort de tant de nos fils, de continuer à mener en paix une vie de luxe et de confort" [1]).

Aux attentats dans les airs ont succédé les attentats dans les mers. Le torpillage de la Lusitania, paquebot employé exclusivement au transport des passagers, par un sous-marin est un crime de plus et la joie sauvage et révoltante a dépassé toute mesure en Allemagne. C'est en vain que l'Allemagne chercherait à repousser, même à atténuer la responsabilité de son crime. Elle a fait des essais dans ce sens. La presse allemande relève que c'est le Gouvernement anglais par sa tentative barbare d'affamer la paisible population du grand pays de Germanie, qui a obligé de proclamer zône de guerre les eaux anglaises.

Par contre, le *Times* affirme, avec raison, que la destruction de la Lusitania doit sûrement hâter la venue du jour où toutes les puissances civilisées seront contraintes de s'unir pour marquer du sceau d'une infamie éternelle le renégat des nations.

Les alliés ont engagé solennellement leur signature à ne pas conclure de paix séparée et proclament que la paix collective ne sera accordée

---

[1]) Extrait du Gaulois—26 avril 1915.

желыя потери, понесенныя ея гражданами. Мы не можемъ заключить мира раньше, чѣмъ Франція не вернетъ своей старой провинціи Эльзасъ-Лотарингіи, право думать, говорить и смѣяться; до тѣхъ поръ, пока героическая Сербія не получитъ справедливаго вознагражденія за свою твердость и мужество; пока Россія не получитъ вознагражденія за свои опустошенныя поля, за свое попранное достоинство и за всѣ полученныя ею оскорбленія.“

Тевтонское бѣшенство противъ соединеннаго королевства не знаетъ границъ. Въ пангерманистскомъ листкѣ „Hamburger Nachrichten,“ вы найдете возмущеніе противъ Англіи такое же, какъ и то, которое ежедневно расточается всей нѣмецкой печатью. „Цеппелины были уже у воротъ Лондона. Нѣмецкій народъ желаетъ и требуетъ, чтобы наши дирижабли летали надъ этимъ городомъ, бросали бомбы, и огнемъ и мечемъ обрушивались на дома и на очаги столицы этого народа, безпощадно отдавшаго міръ во власть войны и разоренія. Мы не должны позволить этому преступному народу, бывшему причиною смерти стольких нашихъ сыновей, продолжать жить съ удобствами и роскошью.“ [1])

За воздушными нападеніями послѣдовали нападенія подводныя. Потопленіе подводной лодкою Лузитаніи, парохода, перевозившаго исключительно путешественниковъ—вотъ еще преступленіе, а въ Германіи дикая, возмутительная радость по этому поводу перешла всѣ границы. Германія напрасно старалась уменьшить и даже снять съ себя отвѣтственность за свое преступленіе. Она дѣлала попытки въ этомъ направленіи. Нѣмецкая печать заявляетъ, что варварское намѣреніе англійскаго правительства уморить съ голоду мирное населеніе великой Германіи привело его къ объявленію театромъ военныхъ дѣйствій также и англійскихъ водъ.

Но Times справедливо заявляетъ, что уничтоженіе Лузитаніи несомнѣнно ускоритъ наступленіе того дня, когда всѣ цивилизованныя государства будутъ вынуждены соединиться для того, чтобы наложить вѣчную печать позора на народъ, ставшій отступникомъ.

Союзники торжественно подписались подъ договоромъ—не заключать мира каждому въ отдѣльности, и заявляютъ, что совмѣстный миръ

---

[1]) Отрывокъ изъ Gaulois отъ 26 Апрѣля 1915 г.

qu'à des ennemis obligés aux réparations de leurs fautes, c'est à dire, vaincus, terrassés.

Achever les blessés et tuer les prisonniers anglais, tel est l'ordre qui aurait été donné. Le „Morning Post“ du 11 mai dernier nous l'apprend en reproduisant le raport de l'Ambassadeur d'Angleterre à La Haye adressé au Ministre Sir Edward Grey.

Pour terminer ce résumé concernant l'Angleterre, je citerai les paroles prononcées récemment par le chancelier de l'Echiquier Lloyd George: „on me demande souvent combien de temps va durer la guerre. Je ne peux que répondre par les paroles d'Abraham Lincoln: „Elle se terminera quand le but sera atteint. „Par Dieu, j'espère qu'elle ne se terminera pas avant que ce moment vienne“. Le but suprême de la guerre est la liberté de l'Europe et le renversement de la caste militaire prussienne qui ambitionne de dominer l'Europe. Pour attendre ce but, il en coûtera à l'Europe un prix épouvantable en hommes et en argent. Il faut que nous soyons prêts à payer notre part ou à tomber pour jamais en état de vasselage.

Italie.

Félicitons cordialement notre soeur l'Italie du divorce qui l'a affranchie d'une union mal assortie. Elle est enfin rentrée dans le giron des races latines. Elle a senti que les civilisations latines et slaves étaient menacées d'être totalement subjuguées par le germanisme barbare. Donc vive la quadruple alliance!

Prévoyant que l'Italie voulait partager le sort glorieux des nations qui combattent l'Allemagne, la Koelnische Volkszeitung écrivait: „Si elle éclate cette guerre, la haine de l'Allemagne pour l'Angleterre ne sera rien en comparaison de sa haine pour l'Italie“. Ajoutons que la bravoure des Italiens dépassera, si possible, la haine des Allemands. C'est l'assurance que cette haine d'un côté et cette bravoure de l'autre dureront jusqu'au bout.

En face des événements si graves qui préparent une Europe nouvelle, on peut dire: l'Italie s'est ressaisie et il y a maintenant, comme dit le Times, une Italie Italienne[1]).

---

[1]) Autriche et Italie. Gaulois du 17 mai 1915.

будетъ предложенъ лишь врагамъ, обязавшимся исправить свои ошибки, т. е. врагамъ побѣжденнымъ, поверженнымъ во прахъ.

Добивать раненыхъ и умерщвлять англійскихъ плѣнныхъ—такой приказъ былъ отданъ. Объ этомъ извѣщаетъ насъ Morning Post отъ 2 Мая сего года, приводя докладъ англійскаго посла въ Гаагѣ, докладъ, посланный министру сэру Эдуарду Грэю.

Чтобы закончить этотъ краткій отчетъ, посвященный Англіи, я приведу слова, произнесенныя на дняхъ канцлеромъ казначейства Ллойдъ Джоржемъ: „Меня часто спрашиваютъ, сколько времени продлится война. Я могу отвѣтить только словами Авраама Линкольна: „Она окончится тогда, когда цѣль будетъ достигнута.“ Надѣюсь, и Богъ дастъ, что она не кончится раньше, чѣмъ настанетъ это время.“ Высшая цѣль войны—это освобожденіе Европы и уничтоженіе прусскаго военнаго класса, который задался тщеславнымъ намѣреніемъ господствовать надъ Европой. Достиженіе этой цѣли обойдется Европѣ невѣроятно дорогою цѣной людей и денегъ. Мы должны быть готовы или заплатить свою часть—или навсегда отдать себя въ рабство.

Италія.

Отъ всего сердца поздравимъ нашу сестру Италію съ разводомъ, освободившимъ ее отъ неподходящаго ей союза. Наконецъ то она вернулась въ лоно латинскихъ народовъ. Она чувствовала, что романскимъ и славянскимъ цивилизаціямъ грозила опасность полнаго подчиненія варварскому германизму. Итакъ, да здравствуетъ союзъ четырехъ государствъ!

Предчувствуя, что Италія раздѣлитъ славную участь народовъ, воюющихъ съ Германіей, Koelnische Volkszeitung пишетъ: „Если эта война будетъ объявлена, ненависть Германіи къ Англіи—ничто въ сравненіи съ ненавистью къ Италіи.“ Прибавимъ, что мужество Итальянцевъ, весьма возможно, превзойдетъ ненависть Нѣмцевъ. Мы увѣрены, что какъ ненависть съ одной стороны, такъ и мужество съ другой будутъ длиться до конца.

Передъ лицомъ столь важныхъ событій, подготовляющихъ новую Европу, можно сказать: Италія стала сама собою, она стала, по словамъ Times 'а, Итальянской Италіей.¹)

---

¹) Австрія и Италія. Gaulois, 17 Мая 1915 г.

La diplomatie du Prince de Bülow, que l'on croyait habile, n'a servi qu'à humilier l'Autriche et à révéler à l'Italie cette sorte de tyrannie que l'Allemagne exerçait sur elle.

Le journal Messaggero traduisait bien le sentiment public lorsqu'il écrivait: „Tous les Italiens doivent être réunis en une armée docile et bien ordonnée qui coopérera de toutes les manières pour atteindre le succès auquel nous sommes dévoués à la vie, à la mort, comme un croyant à la religion“.

Serbie et Montenegro.

La Serbie et le Montepegro ont offert au monde le spectacle d'un héroïsme patriotique qui égale celui de la Belgique. Comme elle, depuis le début de cette guerre, ils ont magnifiquement défendu leur honneur. Ils ont été les champions de tous les Slaves des Balkans et ont versé leur sang pour leur affranchissement. Ils n'ont pas marchandé leur concours aux nations protectrices du droit. Ils ont tenu tête au grand ennemi et leur prodigieuse grandeur d'âme l'a rendu impuissant devant leur indomptable valeur. Ils ont lutté jusqu'au bout et jusqu'au bout ils seront honorés. La Serbie, jadis petite, deviendra grande puissance par l'étendue de son territoire et par le rayonnement de sa gloire.

Le sourire d'une reine heureuse peut maintenant franchir l'Adriatique et aller librement porter à son vénérable père la joie et l'espérance vers les Montagnes Noires, où dans les veines du roi et de son peuple coule le même sang, le sang des braves.

Allemagne.

Nous n'avons jamais ajouté créance à ce bruit, plus ou moins fondé, laissant supposer que l'Allemagne souhaitait conclure la paix. Ce serait, de sa part, avouer qu'elle ne peut atteindre son but ou bien qu'elle l'abandonne. Ceci ne s'harmonise guère avec la morgne orgueilleuse du Kaiser, ni avec l'assurance de la victoire finale qui enivre fallacieusement les cerveaux teutons. A l'heure présente, la paix serait pour l'Allemagne un échec moral. „Or les barbares qui déploient cette fureur devant l'obstacle sont résolus à retarder par tous les moyens l'échec moral“ 1).

---

1) «Le Temps» du 12 Mai 1915.

Дипломатія князя Бюлова, считавшаяся столь ловкой, послужила только къ униженію Австріи и къ освобожденію Италіи отъ того деспотизма, который Германія проявляла по отношенію къ ней.

Газета Messagero прекрасно передала общественное настроеніе, говоря: „Всѣ Итальянцы должны объединиться въ послушное и покорное своимъ начальникамъ войско; оно приложитъ всѣ усилія для того, чтобы добиться успѣха, которому мы преданы не на жизнь, а на смерть, такъ же, какъ вѣрующіе своей религіи.“

Сербія и Черногорія.

Сербія и Черногорія явили міру зрѣлище героическаго патріотизма, равнаго патріотизму Бельгіи. Подобно ей, онѣ съ самаго начала этой войны прекрасно защищали свою страну и свою честь. Онѣ были сподвижниками всѣхъ Славянъ на Балканахъ и проливали кровь за ихъ освобожденіе. Они не просили помощи у народовъ защитниковъ права. Они сопротивлялись сильному врагу и чудесное величіе ихъ души обезсилило его передъ ихъ необузданной отвагой. Они боролись до конца, и будутъ чтимы до конца. Когда то маленькая Сербія станетъ великимъ государствомъ, великимъ—пространствомъ своихъ областей и блескомъ своей славы.

Теперь улыбка счастливой Королевы можетъ перенестись черезъ Адріатическое море и передать радостный привѣтъ и надежду своему достойному отцу въ Черногорію, гдѣ въ жилахъ короля и его народа течетъ одна и та же кровь, кровь храбрецовъ.

Германія.

Мы никогда не довѣряли болѣе или менѣе основательнымъ слухомъ, дающимъ возможность предполагать, что Германія желаетъ заключить миръ. Съ ея стороны это равнялось бы признаніемъ того, что она не можетъ достичь намѣченной цѣли или что она отказывается отъ ея достиженія. Это нисколько не соотвѣтствуетъ ни гордой спѣси Кайзера, ни увѣренности въ окончательной побѣдѣ; увѣренности, коварно опьяняющей тевтонскіе умы. Миръ въ настоящее время былъ бы нравственнымъ паденіемъ для Германіи. „Враги съ такимъ неистовствомъ стремящіеся преодолѣть всѣ препятствія, все же рѣшили всѣми силами отдалить эту минуту нравственнаго проигрыша.“ [1])

---

[1]) „Le Temps,“ 12 Мая 1915 г.

Le chef du parti conservateur prussien, le comte Westarp, s'exprimait en ces termes sur les futures conditions de paix: „A quoi nous servent les plus grands et les plus beaux empires coloniaux, si un ennemi sans scrupules peut librement à tout moment nous couper du reste du monde? A quoi nous servent les meilleures relations extérieures, les belles oeuvres de culture, si cet ennemi peut à sa guise, dès qu'il en a envie, nous en rendre la conservation impossible et les détruire? Le libre accès de la mer plus assuré et plus libre qu'auparavant, afin que l'esprit hanséatique de Hambourg et de Brême propage l'honneur du nom allemand dans le monde, tel est le but pour lequel tout le peuple allemand, qu'il habite sur les côtes ou dans les montagnes bavaroises, est décidé à combattre jusqu'au dernier homme.

„Aucune paix n'est possible avant que ce but soit atteint"[1]).

Et pour atteindre ce but, un grand journal de Berlin en ordonne les moyens: „Soyons plus barbares encore". On peut en effet lire dans la „Gazette de la Croix" sous la signature de M. Théodor Thomsen: „Jusqu'à quand, par suite d'idées morales mal comprises et d'une sorte d'orgueil exagéré, continuerons-nous d'observer scrupuleusement les principes du droit des gens que nos ennemis violent impunément? Jusqu'à quand renoncerons nous aux mesures de rigueur que justifie la guerre et qu'elle exige même, si nous voulons protéger nos compatriotes, affaiblir l'ennemi, assurer et hâter la fin de la guerre? La cruauté de nos moyens de guerre ne doit pas nous empêcher de les employer; la guerre est cruelle; nos mortiers de 42 et nos zeppelins le sont aussi.

„Les principes de la morale et du christianisme nous empêchent de haïr notre prochain et de lui faire du mal par haine. Par contre lui faire du mal quand nous sommes en guerre, parce qu'il est notre ennemi et parce que nous hâtons ainsi la fin d'une guerre moralement justifiée, ce n'est pas seulement notre droit, c'est notre devoir.

„Il est absolument erroné par conséquent de nous laisser dominer par la chimère d'une guerre conforme au droit des gens et de tâcher de respecter ces préceptes ou de ne les violer que lorsqu'ils l'ont été précédemment par nos ennemis.

---

1) Extrait de «l'Eclair» du 20 Avril 1915.

Графъ Вестарпъ, руководитель прусской консервативной партіи, говорилъ объ условіяхъ будущаго мира въ такихъ выраженіяхъ: „На что намъ величайшія и прекраснѣйшія колоніальныя имперіи, если врагъ безъ зазрѣнія совѣсти можетъ когда угодно отрѣзать насъ отъ остальнаго міра? На что намъ наилучшія международныя отношенія, прекрасныя блага культуръ, если врагъ, когда и какъ только ему вздумается, можетъ лишить насъ этихъ благъ или вовсе ихъ уничтожить? Намъ нуженъ свободный доступъ къ морю, болѣе свободный, чѣмъ раньше, для того, чтобы ганзейскій духъ Гамбурга и Бремена разносилъ по свѣту честь германскаго имени, такова цѣль, ради которой весь нѣмецкій народъ, живетъ ли онъ въ баварскихъ горахъ или на берегу моря, рѣшилъ сражаться до тѣхъ поръ, пока въ Германіи останется хоть одинъ Нѣмецъ.

„Никакой миръ невозможенъ до тѣхъ поръ, пока эта цѣль не будетъ достигнута.“ [1])

Большая берлинская газета располагаетъ средствами для достиженія этой цѣли: „Будемъ еще болѣе жестокими.“ На самомъ дѣлѣ, въ „Крестовой Газетѣ,“ за подписью Теодора Томсона, можно прочитать слѣдующее: „До какихъ же поръ вслѣдствіе неправильно понятыхъ нами идей нравственности и чрезмѣрной гордости, будемъ мы старательно соблюдать людскія права, тогда какъ враги наши попираютъ ихъ безнаказанно? До какихъ же поръ будемъ мы отказываться отъ серьезныхъ мѣръ, оправдываемыхъ и даже требуемыхъ войной? Нужно же помочь нашимъ соотечественникамъ ослабить врага, довести войну до конца и даже ускорить приближеніе этого конца? Жестокость нашихъ способовъ веденія войны не должна мѣшать намъ употреблять ихъ; война есть жестокость; жестоки также наши 42-хъ-сантиметровыя пушки и наши цеппелины.

„Завѣты христіанства и правила нравственности запрещаютъ намъ ненавидѣть ближняго и изъ ненависти причинять ему зло. Напротивъ, причинять ему зло, воюя съ нимъ, причинять зло потому, что онъ нашъ врагъ и потому, что такимъ образомъ мы ускоримъ наступленіе конца этой, нравственно оправдываемой нами, войны,—это не только наше право, это нашъ долгъ.

„Слѣдовательно, было бы ошибочно гнаться за призракомъ войны, основанной на человѣческомъ правѣ, и стараться уважать подобныя правила или же нарушать ихъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они были уже раньше нарушены нашими врагами.

---

[1]) Выдержка изъ „l' Eclair,“ 20 Апрѣля 1915 года.

„Nous ne saurions nous laisser détourner de notre but pour la vaine gloire d'un militarisme prétendu supérieur. Pourquoi ne chercherions-nous donc point à abréger ce conflit en frappant l'ennemi en ses points les plus sensibles, en bombardant Londres et les centres de la vie civile au moyen de nos zeppelins qui pourraient aisément s'acquitter d'une pareille tâche? Je le répète, Quo usque tandem?".

Comme ceux qu'elle combat, l'Allemagne voit aussi pour elle même une question de vie ou de mort. Dans son livre Mr Bernhardi a écrit: Weltmacht oder Niedergang: maîtrise du monde ou ruine. Donc le conflit actuel, enfanté par la volonté germanique, vaudra à notre ennemi la maîtrise du monde qu'il vise ou la ruine qui le guette. Tel est le dilemme.

Vaincre le monde! Le professeur Lamprecht donne cette note dans l'une de ses récentes conférences de Leipzig sur: la culture et la guerre: „notre avenir national nous est promis par la volonté qu'ont tous les allemands, d'élever le monde à toute noblesse et toute perfection. Et d'où nous viennent de telles idées? Des grands penseurs et poètes de nos âges classiques et romantiques. Ils ne les ont point formulées aussi claires qu'elles nous apparaissent aujourd'hui. Mais chargées de pressentiments, à la suite de la Poésie, à la suite de la Philosophie, ces idées se sont levées qui nous excitent à vaincre le monde!"

Nous constatons que les idées levées pour vaincre le monde n'ont rien de classique, ni rien de romantique. Vaincre le monde! Une telle ambition, poussée jusqu'à son extrême limite, conduit celui qui la nourrit, sur le chemin de la guerre jusqu'au bout. L'Allemagne veut aller jusqu'au bout vers des conquêtes trop vastes pour être réalisables; elle ira jusqu'au bout dans l'accomplissement pour sa défense de désastres multiples sur terre comme sur mer; elle ira jusqu'au bout vers sa perte.

La guerre sauvage, telle que la pratiquent les soldats du Kaizer, ne provoque aucun regrêt, aucun remord de la part des classes cultivées et éclairées de l'Allemagne. „Notre armée, disent-elles, est pour ainsi dire une image réduite de l'intelligence et de la moralité du peuple allemand. Nous devons sacrifier les meilleurs, les plus nobles d'entre nous dans une guerre contre les brutes russes, les mercenaires anglais et les fanatiques belges" [1]). J'en veux à cet herr Professor d'avoir oublié la France qui mérite bien d'être honorée de ses injures.

---

[1]) Du professeur Adolf Lasson de l'université de Berlin.

„Мы не перестанемъ преслѣдовать нашу цѣль только изъ пустой славы яко-бы высшаго милитаризма. Почему же намъ не попытаться прекратить это столкновеніе, напавши на врага съ самой уязвимой его стороны, бомбардируя Лондонъ и другія густо-населенныя мѣста съ нашихъ цеппелиновъ, которые легко могли бы выполнить подобную задачу? Повторяю: Quo usque tandem?“

Какъ передъ всѣми воюющими, передъ Германіей, поставленъ вопросъ о жизни или смерти. Бернгарди написалъ въ своей книгѣ: Weltmacht oder Niedergang: міровое владычество или гибель. Такимъ образомъ теперешнее столкновеніе, порожденное германской волей, дастъ нашему врагу или міровое владычество, котораго онъ добивается, или же стерегущую его погибель. Такова задача.

Побѣдить весь міръ! Въ Лейпцигѣ профессоръ Лампрехтъ на одномъ изъ недавнихъ своихъ собесѣдованій о культурѣ и войнѣ замѣчаетъ: „Наша національная будущность заложена въ народной волѣ, заключающейся въ томъ, что всѣ Нѣмцы хотятъ возвысить міръ до небывалаго благородства и совершенства. Откуда появились у насъ такія идеи? Мы заимствовали ихъ у нашихъ великихъ мыслителей и поэтовъ, классиковъ и романтиковъ. Они вовсе не выражали ихъ такъ ясно, какъ онѣ представляются намъ теперь. Но вслѣдъ за Поэзіей, вслѣдъ за Философіей полныя предчувствій встали эти идеи, побуждающія насъ побѣдить міръ!“

Мы можемъ отмѣтить, что въ появившихся идеяхъ о міровомъ владычествѣ нѣтъ ничего ни классическаго, ни романтическаго. Побѣдить весь міръ! Того, кто питаетъ подобное тщеславіе, достигшее предѣла, оно приведетъ на путь войны до конца. Германія хочетъ итти до конца къ побѣдамъ, черезчуръ огромнымъ для того, чтобы ихъ можно было осуществить; она пойдетъ до конца для того, чтобы, защищаясь, учинить безчисленныя бѣдствія какъ на сушѣ, такъ и на морѣ; она пойдетъ до конца на встрѣчу гибели.

Дикая война, такая война, какую ведутъ солдаты Кайзера, не вызываетъ ни малѣйшаго порицанія, ни малѣйшихъ упрековъ совѣсти среди образованныхъ, просвѣщенныхъ классовъ Германіи. „Наша армія,“ говорятъ они, „есть, если можно такъ выразиться, сокращенное отраженіе умственныхъ и нравственныхъ устоевъ нѣмецкаго народа. Мы должны пожертвовать самыми лучшими, самыми благородными изъ насъ въ этой войнѣ со скотами Русскими, наемниками Англичанами и изувѣрами Бельгійцами.“ ¹) Я сердитъ на г-на профессора за то, что онъ позабылъ о Франціи, которая вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы удостоиться его оскорбленій.

---

¹) По профессору Берлинскаго Университета Адольфу Лассону.

Guillaume II a fixé la célébration du 500me anniversaire des Hohenzollern au 21 octobre prochain. Cette date est celle de la prestation du serment de fidélité. D'ici là se préparera sans doute la déchéance de cette dynastie destinée à périr dans l'oprobre de l'Univers.

Autriche et Turquie.

L'Autriche et la Turquie (quel étrange assemblage!), les deux alliés, on pourrait plutôt dire les deux victimes bénévoles de l'Allemagne, par ordre du Kaizer, doivent marcher à sa suite bon gré mal gré jusqu'au bout. Si elles sont tyrannisées c'est qu'elles s'y sont prêté. L'Autriche devait bien savoir où l'on la conduisait tambour battant. Quand à la Turquie, elle a perdu son caractère et sa viabilité depuis que son parti Union et progrès l'a défigurée et livrée aux puissances infernales de Berlin. Par cette prise de possession de l'Autriche et de la Turquie, Guillaume II a associé deux états caducs à son oeuvre néfaste. C'est la banqueroute des diplomaties de Vienne et de Constantinople. La monarchie dualiste et catholique a oublié l'enseignement de la croix et les fils de Mahomet les préceptes du Coran. Leur Dieu est le grand incendiaire, le grand destructeur, le grand boureau.

Une paix séparée faite avec les alliés, l'affranchissements des liens malheureux qui lient l'Autriche et la Turquie à l'Allemagne, auraient été le salut de ces deux puissances atteintes de cécité. Si elles n'étaient pas aveuglées et trompées, elles auraient adopté ce moyen pour éviter de sombrer jusqu'au bout.

La Russie.

J'ai voulu terminer par la Russie. En écrivant ces pages, mon coeur est à la fois honoré et reconnaissant pour les délicates attesstions dont je suis entouré. Je n'oublie pas que je suis doublement hospitalite; puis que je vis chez d'excellents amis et que je compose ces lignes pour une revere justement estimée. L'auteur et sa plume franco-russes bénéficient d'une hospitalité dont la cordialité a été, si possible, augmentée à cause du pillage et de la profanation de sa demeure familiale par l'ennemi commun.

L'heure présente, où se ravivent les souvenirs de 1870 fait un devoir à tout français de se rappeler que la France éprouvée fût sortie de son isolement par le geste généreux et la sagace prévoyance d'Ale-

Вильгельмъ II назначилъ празднованіе 500-лѣтней годовщины Гогенцоллерновъ на 21 Октября этого года. Это день принесенія присяги и клятвы вѣрности. Безъ сомнѣнія съ этого дня начнется паденіе этой династіи, которой суждено погибнуть среди всемірнаго позора.

Австрія и Турція.

Австрія и Турція (какое странное соединеніе!), оба союзника, или, можно сказать, обѣ добровольныя жертвы Германіи, по приказу Кайзера волей неволей должны идти за нимъ до конца. Если ихъ мучаютъ, то только по ихъ же доброй волѣ. Австрія должна была прекрасно знать, куда ее ведутъ съ барабаннымъ боемъ. Что касается Турціи, то она утратила свою самостоятельность и жизненную силу съ тѣхъ поръ, какъ партія Единеніе и прогрессъ совершенно измѣнила ея обликъ и отдала ея во власть адскимъ силамъ Берлина. Подчинивъ себѣ Австрію и Турцію, Вильгельмъ II привлекъ къ своему злополучному дѣлу оба одряхлѣвшія государства. Это было банкротствомъ Вѣны и Константинополя. Двуединая католическая имперія забыла христіанскіе завѣты, а сыны Магомета—предписанія Корана. Ихъ Богъ сталъ великимъ поджигателемъ, великимъ разрушителемъ, великимъ палачемъ.

Отдѣльный миръ, заключенный съ союзниками, расширеніе злополучныхъ областей, которыми Австрія и Турція соприкасаются съ Германіей—вотъ что было бы спасеніемъ для обоихъ этихъ государствъ, пораженныхъ слѣпотою. Не будь они ослѣплены, они взялись бы за это средство для того, чтобы избѣжать вѣчнаго мрака.

Россія.

Россіей я хочу закончить. Въ то время, какъ я пишу эти строки, въ глубинѣ души я чувствую себя польщеннымъ и въ то же время благодарнымъ за тѣ знаки нѣжнаго вниманія, которымъ меня окружаютъ. Я не забываю, что пользуюсь двойнымъ гостепріимствомъ; такъ какъ живу у прекрасныхъ друзей и пишу эти строки, чтобы дать дѣйствительно вѣрный, достойный обзоръ событій. Самъ авторъ и его франко-русское перо пользуются гостепріимствомъ еще болѣе сердечнымъ, быть можетъ, потому, что общій врагъ обобралъ и осквернилъ наслѣдственное мое жилище.

Въ настоящее время, когда оживаютъ воспоминанія 1870 года, долгъ каждаго Француза вспомнить, что, переживъ испытаніе, Франція вышла изъ своего одиночества благодаря великодушному поступку

xandre III. L'Auguste héritier du sang et de la magnanimité de ce souverain voit ses phalanges, unies dans l'héroïsme avec celles de la France, accomplir la plus grande oeuvre de délivrance que l'histoire des derniers siècles ait enrégistrée.

Au moment où leur était déclarée la présente guerre, la France et la Russie, mues par une même puissance supérieure, se sont présentées semblables devant le danger, devant l'injure, devant le défi, devant le monde. Elles se sont recueillies et avec la dignité et la noblesse que comportent la défense de l'honneur menacé, elles ont l'une et l'autre, animées d'une pareille ardeur, uni leur peuple pour le même idéal: le salut de la Patrie. Les divisions intestines se sont évanouies et la même foi dans l'avenir victorieux est descendu dans toutes les âmes. Le moment le plus solennel et le plus héroïque des deux alliés de la première heure fût celui où leur sang coula pour la cause commune. Or la cause commune est la plus belle que l'on puisse imaginer. Les soldats français, aux quels je pense de loin, et les soldats russes que je rencontre, sont tous marqués au front de cette auréole qui magnifie les élus appelés à délivrer l'Europe du joug qui menace de l'écraser.

A l'armée, plus encore que dans son village, le moujik réalise le vieux proverbe russe suivant lequel: „celui là vit le mieux qui est toujours prêt à mourir". Chez les combattants russes, l'idée dominante est celle d'un sacrifice pieux joyeusement accompli. Ils sont mus par des sentiments élevés bien proches de ceux qui animent notre vaillante armée.

Français, Russes et leurs alliés sont des héros, tandis que leurs ennemis sont des boureaux. Ceux-là se couvrent de gloire, ceux-ci de déshonneur. On sait ce que voudraient les allemands; on sait comment ils comprennent la guerre; on sait le but par eux poursuivi; on connait les prétextes invoqués pour justifier leur infame conduite et leur mépris des lois de la guerre. La dissemblance absolue de l'état moral actuel des deux camps ennemis est dû aux tendances, aux influences, aux convictions d'un chacun. L'écart immense entre les deux civilisations s'est élargi encore et s'est rendu infranchissable par la façon dont la Kultur germanique s'est affirmée.

Il est donc certain que la Russie, elle aussi, ira jusqu'au bout, car la grande mission, entreprise de concert avec ses alliés, ne peut être remplie et couronnée de succès que lorsque l'ennemi commun sera

и дальновидной мудрости Александра III. Августѣйшій наслѣдникъ крови и великодушія этого государя видитъ, какъ его войска, геройски соединясь съ войсками Франціи, совершаютъ величайшее дѣло освобожденія; дѣло, равнаго которому не было въ исторіи послѣднихъ вѣковъ.

Франція и Россія въ ту минуту, когда имъ была объявлена настоящая война, движимыя одной и той же могущественной силой, равно встали передъ лицомъ опасности, передъ оскорбленіемъ, передъ вызовомъ и передъ цѣлымъ свѣтомъ. Онѣ собрались съ силами, и съ достоинствомъ и благородствомъ, которыхъ требовала защита оскорбляемой чести, и та и другая загорѣвшись однимъ огнемъ, объединили свой народъ вокругъ общаго идеала: спасенія Родины. Внутреннія несогласія исчезли сами собою, и всѣ души охватила одна и та же вѣра въ будущую побѣду. На первыхъ порахъ для обоихъ союзниковъ самымъ торжественнымъ, самымъ героическимъ мгновеніемъ стало то, когда кровь ихъ загорѣлась навстрѣчу общей цѣли. Ибо, что́ же можно представить себѣ прекраснѣе служенія общей цѣли. Далекіе французскіе солдаты, о которыхъ я думаю, и тѣ русскіе солдаты, которыхъ я постоянно встрѣчаю, носятъ на челѣ славный вѣнецъ, отличающій всѣхъ избранныхъ, всѣхъ тѣхъ, которые призваны освободить Европу отъ ига, грозящаго ей разгромомъ.

Въ арміи гораздо больше, чѣмъ у себя въ деревнѣ, мужикъ живетъ по старой русской пословицѣ: „на людяхъ и смерть красна.“ У русскихъ воиновъ господствуетъ идея о святой жертвѣ, приносимой съ радостью. Ихъ воодушевляютъ высокія чувства, весьма близкія къ тѣмъ, которыя вдохновляютъ нашу доблестную армію.

Французы, Русскіе и ихъ союзники—герои, тогда какъ враги ихъ — палачи. Первые покрыли себя славой, послѣдніе—позоромъ. Извѣстно, чего хотѣли Нѣмцы; извѣстно, какъ они понимаютъ войну; извѣстна цѣль, которую они преслѣдуютъ; мы знаемъ, на что они ссылаются для того, чтобы оправдать свое гнусное поведеніе и пренебрежительное отношеніе къ законамъ войны. Полное различіе нравственнаго состоянія обоихъ враждебныхъ лагерей въ настоящее время объясняется склонностями, вліяніями и убѣжденіями тѣхъ и другихъ. Огромная пропасть между обоими цивилизаціями дѣлалась еще шире и стала вовсе непроходимой благодаря тѣмъ способамъ, которыми утверждается германская „культура.“

Разумѣется и Россія тоже пойдетъ до конца, потому что великое начинаніе, предпринятое по взаимному уговору съ союзниками, будетъ выполнено и можетъ увѣнчаться успѣхомъ только тогда, когда общій врагъ будетъ вполнѣ обезсиленъ. Представители русскаго искусства,

réduit à l'impuissance. Les représentants de l'art, de la littérature et de la science russes ont énergiquement protesté contre les abominations allemandes dans les termes suivants: „Nous Russes, artistes, littérateurs et savants, élevés dans un esprit de culte profond pour les grandes oeuvres et monuments des arts et des sciences, élevés aussi dans des sentiments humanitaires, nous exprimons notre indignation profonde contre les destructeurs des plus grands et des plus vénérables trésors artistiques et scientifiques du monde.

„Nous exprimons aussi notre indignation contre les horreurs indicibles, destruction de villes ouvertes, mutilations de blessés, violences commises sur des habitants sans défense et autres actes inouis de barbarie; nous sommes consternés en apprenant que de telles atrocités ont reçu l'approbation de certains hommes de lettres et savants éminents.

„Enfin, pleins de mépris pour les méfaits de la barbarie allemande, nous portons ces crimes abominables au jugement de l'humanité tout entière.

„Puisse la conscience du monde civilisé flétrir à jamais ces produits de la soi-disant culture germanique“.

Quelle différence entre ces sentiments élevés des sommités russes et les sanctions haîneuses données par les intellectuels allemands aux crimes de leurs cohortes! Quelle différence de mentalité entre les exécuteurs enthousiastes et empressés des ordres sauvages venant des chefs allemands et la mentalité des admirables combattants russes! Un psychologue anglais a fait ainsi ressortir la qualité de ces derniers: „nous avons quelque peine à reconnaître l'excellence morale de la guerre; mais le christianisme de l'âme russe n'y voit aucune difficulté. Pour le russe, aller à la guerre, c'est offrir son corps sur l'autel du sacrifice. Et le fait est que dans la splendide ardeur des soldats russes courant à l'ennemi, se perçoit le frémissement joyeux qui agitait le coeur des anciens martyrs s'élançant vers une mort toute saturée de gloire“ [1]).

Evidemment nos chers alliés russes ont éprouvé ce sentiment que les barbares, en incendiant la cathédrale de Reims avaient détruit l'équivalent chez nous de leur antique cathédrale de l'Assomption au Kremlin de Moscou. Ils ont partagé notre tristesse, notre deuil. Comme

---

[1]) Stephen Graham. Russia and the ord. WLondon 1915.

науки и литературы въ слѣдующихъ выраженіяхъ дѣятельно возстали противъ нѣмецкихъ гнусностей: „Мы, русскіе художники, писатели и ученые, воспитанные въ глубокомъ уваженіи къ великимъ произведеніямъ и памятникамъ искусствъ и наукъ, воспитанные также въ чувствахъ человѣколюбія, выражаемъ наше глубочайшее негодованіе по отношенію къ истребителямъ величайшихъ и наиболѣе чтимыхъ художественныхъ и научныхъ міровыхъ сокровищъ.

„Выражаемъ также наше негодованіе противъ небывалыхъ звѣрствъ, противъ разрушенія незащищенныхъ деревень, добиванія раненыхъ, насилій, совершенныхъ надъ беззащитными жителями и противъ другихъ неслыханныхъ варварскихъ поступковъ; мы пришли въ ужасъ, узнавъ, что подобныя жестокости были одобрены нѣкоторыми писателями и извѣстными учеными изъ Нѣмцевъ.

„Наконецъ, полные негодованія къ проявленіямъ нѣмецкой жестокости, мы выносимъ эти ужасныя преступленія на судъ всего человѣчества.

„Пусть совѣсть всего цивилизованнаго міра навсегда отвергнетъ это порожденіе такъ называемой германской культуры.“

Какая разница между этими возвышенными чувствами русскаго общества и постыднымъ согласіемъ, между нѣмецкими интеллигентами и ихъ преступными полчищами! Какая разница между мышленіемъ дикихъ ордъ, усердныхъ и восторженныхъ исполнителей приказовъ германскихъ вождей, и мышленіемъ удивительныхъ русскихъ воиновъ! Одинъ англійскій психологъ такъ опредѣлилъ качества этихъ послѣднихъ: „Мы немного затрудняемся опредѣлить нравственную цѣнность войны; но христіанская душа русскаго человѣка не встрѣчаетъ здѣсь ни малѣйшаго затрудненія. Для Русскаго идти на войну значитъ принести себя въ жертву на алтарь отечества. И на самомъ дѣлѣ мы замѣчаемъ, что русскіе солдаты, въ прекрасномъ порывѣ рвутся на встрѣчу непріятелю, идутъ въ бой съ тѣмъ же радостнымъ волненіемъ, которое въ древности воодушевляло сердца мучениковъ, бросавшихся на встрѣчу славной смерти.“[1]

Конечно наши дорогіе союзники раздѣляли наши чувства въ тѣ дни, когда варвары подожгли Реймсскій соборъ, представляющій для насъ такую же святыню, какъ для нихъ Успенскій соборъ ихъ въ Москвѣ. Они раздѣляли нашу печаль, нашъ трауръ. Такъ какъ они увлекаются всѣмъ, что красиво, такъ какъ они хранятъ историческіе

---

[1] Стефанъ Грэхамъ. Россія и Міръ. Лондонъ, 1915 г.

ils sont épris de ce qui est beau, comme ils sont conservateurs des souvenirs historiques, ils ont manifesté contre ce crime leur profonde indignation.

Après la gigantesque lutte qui se livre; après cette longue fraternité d'armes qui unit; après la victoire chèrement payée qui approche; une oeuvre grandiose restera à poursuivre: celle de l'élaboration et de la constitution d'une Europe nouvelle. La guerre aura été fertile en enseignements. Aprés la digne opposée au militarisme allemand, France et Russie, secondées par leurs alliés, devront opposer aux barbares une digne sanitaire. Digne contre la survie de cette Kultur morbide, contre le retour de ces invasions d'espions, contre les dangers de ces envahissements et de ces accaparements coutumiers des allemands. Pour cette oeuvre de sauvegarde, qui doit être menée jusqu'au bout, la Russie aura un grand rôle à jouer à côté de la France. Plus que jamais, si possible, la superbe alliance d'aujourd'hui devra demain être intimement et étroitement unie pour cette coopération d'où dépend la sécurité de l'avenir. Sans cette union nécessaire, le couronnement de l'oeuvre et le but de tant de sacrifices ne seraient pas atteints. Cette union ne doit pas être seulement le gage de la victoire, mais aussi le triomphe moral et définitif des idées pour lesquelles s'est levée la croisade actuelle.

Il ne faut pas s'imaginer que le réglement des comptes, après la guerre, pourra se terminer par des traités. Que sont les traités pour les Allemands? des chiffons de papier.

Ce ne sera pas trop de l'effort de toutes les nations civilisées pour créer un nouvel état de choses sur les ruines accumulées par les Allemands.

Une voix d'outre-tombe, celle de tant de héros morts au champ d'honneur, nous dicte notre devoir de demain. Ceux qui sont tombés, unis désormais dans la gloire immortelle conquise par le sacrifice, après avoir été vengés, exigent que les survivants, au nom du triomphe militaire, s'unissent pour en tirer les conséquences morales et réparatrices. La cause de l'humanité a été providentiellement confiée aux alliés contre la barbarie, elle exige leur union jusqu'au bout.

Baron de Baye.

Moscou. Mai 1915.

памятники, то они и выразили свое глубокое возмущеніе противъ этого преступленія.

Послѣ исполинской борьбы, которая теперь ведется, послѣ продолжительной братской дружбы, соединяющей обѣ арміи; послѣ приближающейся побѣды, за которую придется дорого заплатить, послѣ всего этого придется выполнить еще одно огромнѣйшее дѣло: это выработать устройство новой Европы. Война принесетъ богатые плоды познанія. Давъ должный отпоръ германскому милитаризму, Франція и Россія съ помощью остальныхъ союзниковъ должны будутъ построить плотину, охраняющую отъ нашествія варваровъ. Плотину противъ живучести этой смертоносной „культуры,“ противъ новаго нашествія шпіоновъ, противъ всѣхъ вторженій и противъ постоянныхъ нѣмецкихъ захватовъ. Въ этомъ дѣлѣ охраны, которое нужно вести до конца, Россія займетъ видное мѣсто рядомъ съ Франціей. Болѣе, чѣмъ когда либо, если только это возможно, прекрасный сегодняшній союзъ еще тѣснѣе и ближе сольется завтра для совмѣстной работы, отъ которой зависитъ будущее спокойствіе. Безъ этого необходимаго единенія это дѣло не было бы завершено и цѣль стольких жертвъ не была бы достигнута. Это единеніе должно быть не только вознагражденіемъ за побѣду, но и нравственнымъ торжествомъ, рѣшительной и конечной побѣдой тѣхъ идей, изъ за которыхъ начался теперешній крестовый походъ.

Не нужно представлять себѣ, что послѣ войны подведеніе счетовъ можетъ быть закончено мирными договорами. Что такое договоры для Нѣмцевъ?—Клочки бумаги.

Для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ не будетъ слишкомъ большимъ напряженіемъ создать новый порядокъ вещей на развалинахъ, накопленныхъ Нѣмцами.

Замогильный голосъ, голосъ стольких героевъ, умершихъ на полѣ чести, подсказываетъ, въ чемъ будетъ состоять нашъ завтрашній долгъ. Всѣ павшіе, отнынѣ объединенные въ безсмертной славѣ, достойной подобныхъ жертвъ, будутъ отомщены; они требуютъ, чтобы пережившіе ихъ во имя военнаго торжества объединились для того, чтобы добиться результатовъ, дающихъ нравственное удовлетвореніе и вознаграждающихъ потери. Само Провидѣніе вручило союзникамъ вести дѣло человѣчества противъ варварства, это дѣло требуетъ ихъ единенія до конца.

Баронъ де Бай.

Москва. Май 1915 года.

БИБЛИОТЕКА
Госуд[illegible]
[illegible] 193 г.

Les Archives Russes édit.
Moscou, Arbat, Dienejny, 3.

Изданіе Русскаго Архива.
Москва, Арбатъ, Денежный, 3.